

© 1991 г.

В.В. ЩЕРБИНА

НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ - СТАРЫЙ ОПЫТ

ЩЕРБИНА Вячеслав Вячеславович — кандидат философских наук доцент кафедры социологии труда МГУ. Автор книг: "Выявление и использование социальных резервов в деятельности автомобильного транспорта" (1985); «Социолого-психологическое обеспечение кадровой работы» (1989) (обе в соавторстве). Неоднократно публиковался в нашем журнале.

По мере развития процессов, вызванных к жизни перестройкой, очевидной становится неоднозначность ее последствий для судьбы страны.

Типичной оценкой нашего нынешнего состояния стало слово кризис, а для ближайшей перспективы — катастрофа. Все это ставит перед обществоведами ряд серьезных теоретико-методологических вопросов, от правильного решения которых во многом зависит не только воз-

можность скорректировать проводимый курс и приостановить кризисные явления, но возможность в будущем избежать подобных проблем. Среди них хотелось бы выделить следующие: чем объяснить факт, что уже не в первый раз осуществляемая в стране попытка реализовать привлекательный проект радикального переустройства общества, в соответствии с ценностями и принципами, одобряемыми большей частью политически и социально ак-

тивного населения, приводит к результатам, далеким от запланированных? Почему попытки привить формы организации общества, экономики и социальной жизни, хорошо зарекомендовавшие себя и широко распространенные в демократических странах, не достигают цели и порождают серьезные дисфункции в советском обществе? Чем объяснить разительное сходство ряда политических и социальных процессов перестройки с теми, что происходили в стране 73 года назад? Почему постоянно не покидает ощущение того, что стремительно развивающиеся события происходят по какому-то давно известному, не один раз игранному сценарию, а в пьесе изменяются лишь исторический антураж, декорации, имена актеров?

Данная статья представляет попытку ответить на эти вопросы с социологических позиций, используя объяснительную схему, разработанную автором к началу 1987 г. На ее основе был сделан достаточно пессимистический прогноз возможного развития событий на ближайшую перспективу. Часть предсказаний в той или иной форме уже сбылась. Среди них ослабление государственной власти, вспышки национализма, рост сепаратизма, экстремизма, насилия, преступности, увеличение дефицита товаров первой необходимости, распад союзной федерации. Другие прогнозы, в частности массовые преследования тех или иных социальных и национальных групп в качестве врагов народа, установление жесткого режима личной власти, гражданская война, слава богу, не сбылись, хотя угроза их реализации не исчезает и сейчас. Стержнем объяснительной схемы стали I идеи западной школы социальных систем, а также социологии организаций, ряда психологических и культурологических концепций, определенным образом прочтенные автором.

Одно из ее важнейших положений заключается в том, что необходимым условием нормального развития и эффективного функционирования общества на любой фазе развития является обеспечение целостности, единства, согласованности действий его составляющих, что в конечном счете обуславливает способность общества к выживанию, целеполаганию и целедостижению, способность гибко реагировать на внутренние и внешние изменения.

Единство и согласованность действий в обществе детерминируются специфической динамичной подсистемой, которую можно обозначить как социальную организацию общества (СОО). Последняя обеспечивает необходимый уровень контроля, ограничения, координации разнонаправленной активности составляющих общество элементов. СОО выполняет особую роль в обществе, являясь принципиально неустрашимым элементом и «каркасом», обеспечивающим целостность и во многом задающим системные свойства социума. Ослабление ее эффективности фактически ведет к распаду общества.

Другим положением схемы является то, что форма СОО во многом зависит от разнообразия и эффективности средств социального контроля и регламентации поведения, выработанных обществом в процессе исторического развития. Средства эти разнообразны. Если наиболее примитивными регламентациями выступают прямое насилие и принуждение, то к наиболее эффективным и изощренным относятся такие социокультурные образования, как традиции, мораль, право, религия, идеология, экономическое регулирование, которые осуществляют эту функцию опосредованно. По мере естественного развития общества происходит и поэтапное создание, накопление и совершенствование средств, обеспечивающих функции СОО, а также становление социальных институтов и органов власти, обеспечивающих их применение.

Для ранних стадий развития общества с характерным для них дефицитом и низкой эффективностью средств и механизмов социальной регуляции, слабой дифференциацией и специализацией обеспечивающих их социальных институтов характерны достаточно жесткие формы СОО, широко использующие прямое насилие. По мере выработки форм и образцов культуры, создания эффективных и специализированных социальных институтов, необходимый уровень упорядоченности все в большей степени достигается социокультурными средствами регуляции. Важным ограничением использования тех или иных форм организации общества выступает наличие в культуре данного общества соответствующих средств и механизмов социальной регуляции и социального контроля. Они могут быть выработаны в ходе преды-

душего развития общества или привнесены в данную культуру, но должны быть глубоко усвоены и институционализированы. Нарушение данного положения прямо ведет к ослаблению государственной власти, деформации и разрушению социума, исключает нормальный режим его функционирования и развития.

Еще одним положением схемы выступает то, что необходимым условием нормального функционирования и развития общества является адекватность форм и средств СОУ уровню и типу социокультурного развития личности, исторически сформированному и доминирующему в обществе. В качестве меры ее развития может быть рассмотрена способность к индивидуальной самоорганизации, саморегуляции и самоограничению, к постановке и реализации целей в рамках таких ограничений. Это предполагает, с одной стороны, наличие достаточно развитого набора образцов и форм культуры определенного типа (нормы, ценности, образцы взаимодействия), с другой — их глубокое усвоение, интериоризацию личностью. Процесс становления личности в рамках такого подхода может быть представлен как постепенный и мучительный переход от экстер-нального типа личности к интернальному.

Первый — представляет собой извне регулируемый и побуждаемый тип личности, действующий на ранних этапах общественного развития. Он легко описывается бихевиористскими моделями регуляции поведения типа «стимул-реакция». Другой тип — саморегулируемый, где преобладают социокультурные регуляторы поведения, ранее интериоризированные личностью, ставшие неотъемлемой ее частью. Существенным для нас отличием носителя экстернального типа поведения от интернального является то, что для первого главным критерием при выборе формы поведения является ориентация на требование «значимых других» (члены семьи или общины, старейшины, вожди), характерно возложение на них ответственности за свое поведение и полная идентификация себя с социумом. Для второго типа преобладающей является ориентация на соотносение своего поведения с безличной системой усвоенных им ценностей, норм, принципов, образцов. Для него характерно обостренное чувство персональной ответ-

ственности, автономия личности по отношению к общности. Все это предполагает и существенное различие форм СОУ в зависимости от регламентируемого типа личности. Не случайно доминирующей формой организации общества на ранних ступенях его развития являются жесткие авторитарные режимы, построенные по принципу неограниченной личной власти, опирающиеся на жесткую иерархию, использующие средства тотального контроля поведения и прямого насилия. По мере становления интернального типа личности возникают более мягкие формы организации и управления, обеспечивающие автономии личности. Отсюда вывод: попытка создания и легализации в обществе форм СОУ, неадекватных реальному типу и уровню развития индивида, ведет к снижению эффективности, ослаблению социального контроля, дезинтеграции общества, распаду и деградации личности, и в конечном счете к отбрасыванию общества на более ранние стадии развития.

Следующее положение может быть сведено к утверждению: общество как поэтапно развивающаяся система и сложный социальный организм не может быть без тяжелых последствий для себя, радикально переустроено в соответствии с тем или иным социальным проектом. При этом не важно, какая целевая ориентация кладется в его основу. Как показывает практика, подобные проекты (от нереализованного «города солнца» Т. Кампанеллы до реализованного государства иезуитов в Латинской Америке) базируются в конечном счете на двух весьма сомнительных допущениях: 1. Общество и человек могут быть относительно легко и радикально изменены в соответствии с тем или иным социальным идеалом, если будут поставлены в соответствующие условия.

2. Реформаторам хорошо известен подобный идеал и условия его реализации.

Характерно, что при определении самих принципов и идеалов реформаторы могут опираться на две вроде бы противоположные, но на самом деле сходные методологии: а) явно волюнтаристскую, предполагающую, что будущее никак не связано с прошлым и целиком в руках реформаторов; б) скрыто волюнтаристскую, телеологическую, исходящую из того, что мир развивается по известным рефор-

матору законам. Такие концепции могут возникать на религиозной, идеологической, научной почве. Логика их построения предполагает возможность радикальной переделки общества путем замены старых форм организации новыми, «прогрессивными», вытеснения «ложных ценностей» «истинными», одного типа личности другим. На практике реализация идеальных проектов ведет к созданию дефицита средств регуляции, ценностному и социально-нормативному вакууму, разрушению культуры и социума. Чтобы лучше понять возможности нашей схемы обратимся к событиям февраля 1917 г. и дальнейшей истории страны.

Попытаемся разобраться, что представляла собой Россия накануне. Автор присоединяется к оценке тех специалистов, которые считают, что это было развитое феодально-этактистское общество со значительными вкраплениями буржуазных отношений. В сельском хозяйстве и промышленности они переплетались с феодальными формами организации производства, протекционизмом, активным вмешательством государства в дела промышленников, серьезными пережитками феодального землепользования, элементами общинной психологии. СОО была продуктом длительного и мучительного исторического процесса, компромиссом между традиционными и еще формируемыми отношениями. Она представляла собой разнородную систему, включающую как средства прямого насилия, так и более мягкие (социокультурные) формы регуляции поведения. В числе последних — идеология, религия, мораль, право, традиции и экономические отношения. Империя располагала мощной бюрократической структурой, опирающийся на вышколенный штат чиновников.

Будучи сословной монархией, что соответствовало ее феодальной базе, она, начиная с 1861 г., использовала наряду с феодальными также средства регуляции, апеллирующие к буржуазным ценностям. В обществе создается система формального права и судопроизводства, в соответствии с которым формируются армия и местные органы самоуправления. После 1905 г. — выборные органы народного представительства, ограниченная практика многопартийности. Таким образом, СОО была адекватна

экономическому и социокультурному состоянию общества во всей его противоречивости.

Отметим также особенность, характерную для сферы общественного сознания России, и отмечаемую историками, начиная с В.О. Ключевского. Со времен Петра I общественная мысль России постоянно ориентируется на культурные, идеологические и политические образцы, выработанные Западной Европой. Практически все значимые движения официального, либерального или революционного толка либо заимствовали ее идеи, либо развивали свои концепции в полемике с ними.

Другим феноменом общественного сознания была идея радикальных социально-политических «скачков», которые рассматривались как средство ускорения развития страны. Она берет свое начало со времен Петра I.

Воплощение этих идей в жизнь ускорил кризис, вызванный участием России в первой мировой войне. Попыткой его преодоления, быстрого решения реальных (а отчасти и надуманных) проблем с помощью незамедлительной демократизации институтов власти, переделки СОО на западный манер явилась Февральская революция.

Хотя февральские события не затронули таких основ регуляции русского общества, как религия, мораль, они серьезно отразились на структурах власти, коснулись многих ее институтов. Предложенный способ организации общества включал широкую многопартийность, введение гражданских свобод, создание основ республиканского правления. Предложенные изменения слабо корреспондировали с доминирующим экстернальным полуобщинным типом личности. В сочетании с активным размыванием традиционных ценностей это обусловило слабость формируемого механизма СОО и способствовало активизации правых и левых экстремистских группировок.

История XX века знает много примеров, когда те или иные страны, находящиеся на добуржуазной стадии развития, принимали демократические конституции по образцу США или стран Западной Европы, однако результат таких нововведений был практически везде трагичным. Примером служат многочисленные латиноамериканские

государства, страны Африки или Азии. Здесь неадекватность демократических форм управления национальной культурой компенсировалась мафиозными или военными параллельными структурами власти, базирующимися на грубом насилии. Ибо декларированная демократия быстро перерождалась в свою противоположность — жесткую военную диктатуру.

Такая же судьба ждала и Россию. Слабость Временного правительства и созданных им политических институтов была очевидна с самого начала и вызвала к жизни параллельные структуры власти в виде Советов, с одной стороны, и организаций, борющихся за восстановление монархии в ее ортодоксальных формах, с другой. Обе силы представляли реальную угрозу правительству. Положение осложнилось тем, что слабое правительство, использующее демократические средства, оказалось в принципе неспособным к быстрому и радикальному решению социальных и экономических проблем, приведших к падению самодержавия. С ослаблением власти наметилась тенденция к росту сепаратизма, экстремизма, деструктивного поведения и преступности. Это укрепляло позицию многочисленных критиков правительства справа и слева, разоблачавших его неспособность. Ориентация на верность демократическим принципам и боязнь крутых мер в условиях отсутствия у большинства населения ответственности и политической культуры, делали Временное правительство неспособным проявить силу, поставить оппозицию в рамки законности. Политическая расстановка сил привела к власти одну из наиболее радикальных и активных фракций РСДРП — ленинскую, которая поставила целью реализацию в России и во всем мире идеи фундаментального переустройства общества в соответствии с определенным образом прочитанным марксистским идеалом.

Не станем разбирать, какие из проводимых советским правительством мероприятий вытекали из программы большевиков, а какие были продуктом чрезвычайных обстоятельств и революционного творчества масс. Важно проанализировать, какие из них отразили на практике политическую суть этого периода и к каким последствиям они привели.

Смысл действий новой власти в годы

революции и гражданской войны заключался в сломе сложившихся средств С00. В первые три года революции начисто уничтожены все органы государства и институты власти, складывающиеся на протяжении многих поколений, дискредитирована идеология самодержавия и религия, ограничена в правах церковь; ликвидировано молодое буржуазное право, ослаблены мораль, традиции, ценности; отстранены от ведения дел профессиональные чиновники, управленцы; распущены органы правопорядка и профессиональная армия; деформирован институт собственности, разрушена система свободной торговли, финансовая система. И как результат — исчезновение или ослабление всех ненасильственных средств социальной регуляции в обществе. Единственным способом поддержания целостности общества стало прямое насилие.

С этого момента вопрос о дальнейшем развитии был предreshен. Независимо от того, какая политическая сила пришла бы к власти в ходе гражданской войны, она не смогла бы уже опираться на традиционные формы регуляции. С00 отныне могла строиться только на насилии. Итогом стал распад имперского государства, который выразился в отделении ряда провинций, в ослаблении центральной власти. Никакая сила уже не могла эффективно контролировать из центра поведение «освободившихся» граждан нестолических губерний и уездов. Документы, художественная литература, мемуары, описывающие времена гражданской войны, свидетельствуют, что тогда обрела существование особая локально-региональная форма С00, используемая каждой армией, отрядом, местной властью — революционная демократия, опирающаяся на самые грубые виды насилия, эта «демократия» являлась воплощением практически неограниченного произвола лидеров, пользующихся поддержкой большинства в любой группе вооруженного народа. Они и превратились в полновластных и почти не контролируемых центром хозяев своих регионов. Данная форма народовластия предусматривала право лидера демократического большинства применить, действуя от его имени, любой вид насилия — от экспроприации до физической ликвидации человека или оппозиционного меньшинства.

При отсутствии единой и признанной всеми морали, традиций, правовой основы, единой, одинаково трактуемой идеологии и мощной центральной власти, лидеры превращались в судей при оценке политической благонадежности противников, оппонентов, вчерашних союзников, а то и просто обывателей, выносивших решения о судьбах людей на основе интуиции и «классового чутья». Вождь являлся последней инстанцией, трактующей лозунги и цели партии, от имени которой он выступал. Именно он был интерпретатором революционных (или контрреволюционных) идеалов, оценивал степень следования им. В свою очередь, господство таких вождей ограничивалось волей большинства, которое могло мгновенно свергнуть и растоптать вчерашнего кумира. Подобная демократия не нуждалась в разделении власти, правовых гарантиях личности. Она исходила из примата классовой принадлежности над правом, из принципа правоты большинства перед меньшинством, из «презумпции виновности» любого потенциального противника. Принципы военно-демократического народовластия легли в основу универсального и единственно возможного в тех условиях механизма С00. Практические последствия издаваемых правительством (будь то правительство В.И. Ленина или А.В. Колчака) декретов и предписаний были минимальными. Они не играли серьезной роли в регламентации общественной жизни на местах. Вооруженные, действующие от имени правительства группы во главе с командирами и атаманами имели единственную реальную власть на огромной территории бывшей Российской империи. Созданные формы С00 были во многом аналогичны тем, которые доминировали в Западной Европе в период раннего феодализма, когда власть центра была номинальной, а подлинной властью обладали вожди бесчисленных вооруженных дружин, блуждавших по европейским землям и постоянно конфликтовавших между собой. Эти группировки выступали для населения одновременно и грабителями, и единственными носителями власти, гарантирующей определенную защиту и минимум порядка. Формы ведения хозяйствования и распределения базировались на прямом внеэкономическом принуждении и натуральном хозяйстве, что вполне отвечало

сложившейся политической системе и культурному развитию общества. Впрочем, к 1920—1921 гг. в армии и государстве наметилась тенденция укрепления центральной власти и единственно возможной тогда административно-силовой форме. Однако влияние правительства на местах оставалось еще весьма ограниченным.

К 1921 г. на большей части России гражданская война закончена. Победа большевиков не вызвала сомнений. Со всей очевидностью встал вопрос о чудовищных социальных и экономических итогах революционных преобразований. Россия, вчера входившая в число великих европейских держав, сегодня представляла собой еще громадную, но утратившую значительную часть земель слабо контролируемую территорию с разваленной экономикой и вымирающим населением. Политика произвола, грабежа и террора, осуществляемого прежде всего местными властями, продолжалась. В стране действовала продрозверстка. Государство потрясали вспыхивающие восстания крестьян, рабочих, красноармейцев, национальных меньшинств, недовольных голодом, дефицитом товаров первой необходимости, разгулом преступности, политическим и экономическим произволом. Поиски выхода привели большевиков к мучительному решению — временному отказу от реализации программы радикального коммунистического переустройства на базе тотальной национализации средств производства, обобществления собственности, создания трудовых армий, принудительного перераспределения промышленных и сельскохозяйственных продуктов. Предполагалось вернуться, хотя бы частично, к отработанным и еще не забытым населением традиционным методам хозяйства.

Введение устойчивого налога, возврат к практике свободной рыночной торговли ознаменовали эру НЭПа. Переход к новым формам организации хозяйства потребовал некоторой либерализации революционной диктатуры. С одной стороны, это означало смягчение революционного законодательства, с другой — ограничение произвола «вождей» на местах. Последнее могло быть сделано только при укреплении административно-централизованного начала в ВКПб,

ограничении демократических и сепаратистских тенденций в партии и государстве. Экономический и политический поворот, наступивший после X партийного съезда, на первых порах дал блестящие результаты — люди еще не разучились работать «по-старому». В несколько раз повысился уровень сельскохозяйственного производства, увеличился выпуск товаров. Однако уже к 1925 г. рост производства товарного хлеба снизился, а в 1927 — прекратился. Еще сложнее обстояли дела с развитием промышленности. Почему это произошло? Прежде всего потому, что индивидуальное предпринимательство не могло успешно развиваться вне элементарных правовых гарантий, поскольку были разрушены система буржуазного права и правосознание граждан. Деятельность нэпманов в городе сопровождалась частыми экспроприациями, неуклонным увеличением налогов, политической дискредитацией, в деревне, несмотря на указания из центра, на оборотистых крестьян оказывалось "революционное давление". И нэпманы, и "кулаки" ограничены в политических правах. Впрочем, иначе и быть не могло. Многочисленные герои гражданской войны, пользующиеся авторитетом у населения, местные вожди с изумительной эгалитарной справедливостью, культом силы, упованием на быстрое достижение социального идеала имелись во всех уголках страны. Им была свойственна установка на беспощадную борьбу с любыми проявлениями старого мира. НЭП оценивался ими как предательство идеалов революции. Будучи обычно членами ВКПб, формально подчиняясь центральному партийному руководству, они по-своему интерпретировали решения правительства и выступали потенциальной и реальной оппозицией новой политике. Борьба с оппозицией под флагом борьбы за НЭП укрепляла централизованное начало в партии и государстве. Она объективно лежала в основе непримиримых кампаний по борьбе с оппозиционными тенденциями в партии. Противостояние НЭПу усиливалось по мере того, как становилась очевидной ограниченность его возможностей. Экономические сбои увеличивали «революционное» неприятие проводимого курса. Давление снизу заставляло лидеров партии искать

альтернативные пути развития державы. Но при любой модели экономики без твердой политической власти центра, без единой признанной идеологии, морали, права, как факторов, формирующих единую общность, о дальнейшем развитии государства в то время нельзя было и помыслить.

Примерно с 1929 г. начался новый этап, связанный с укреплением государственной власти в нашем обществе. Он характеризовался утверждением монопольного, неподконтрольного, чрезвычайно жесткого правления одного лица. Созданные в конце гражданской войны, окрепшие в годы НЭПа репрессивные органы и иерархическая структура в партии и государстве обеспечили господство централизованного начала. Но должна была измениться и сама партия. Из группы соратников она превратилась в инструмент централизованного руководства. Перестройка в партии и государстве с необходимостью требовала ликвидации (в лучшем случае нейтрализации) значительной части ее членов, которые выросли на идеях революционной демократии и пользовались авторитетом в партии. В первую очередь это касалось именитых вождей Октября и гражданской войны. Механизм примененных массовых репрессий был отработан еще в первые годы Советской власти, неоднократно использовался и до печально знаменитой второй половины 30-х годов. Однако теперь острота террора было направлено против самих партийцев. В результате статус лидера партии фактически идентифицировался со статусом недостижимого, богоданного монарха.

Поскольку экономическая часть программы сталинизма хорошо известна, отметим лишь возникновение мощных централизованных структур власти, укрепление административного начала, создание специфической модели общинно-коллективной собственности. Внедрена система закрепощения работника в промышленности за предприятием и крестьянина за колхозом в сочетании с их фактическим юридическим бесправием и закреплением по определенному месту жительства. В качестве главного регулятора социальной жизни выступала воля «монарха». Установление единой идеологии, единой системы ценностей и норм, единой морали обеспе-

чивалось строгой централизацией в партии и мощной бюрократической машиной и полицейским аппаратом. Создан особый тип чиновника, воспитанного в духе неукоснительного следования предписаниям свыше, в духе личной преданности суверену. Сложившийся тип С00 во многих своих чертах воспроизводил формы абсолютистского монархического феодального государства. Именно тогда пустила корни феодально-крепостническая психология, не изжитая в душах советских людей и по сей день. Формирование подобного социального типа наряду с укреплением феодально-бюрократического аппарата государственных функционеров явилось главным достижением сталинизма и условием перехода общества к новому этапу.

Становление данного типа С00 ознаменовалось усилением государственности и окончательным уничтожением демократических завоеваний революции, ростом социальной стратификации. Оно с одобрением было встречено на Западе той частью эмиграции, которая не без оснований увидела в этом реставрацию монархии в новой социалистической оболочке. За время чудовищных репрессий авторитет государства стал неоспорим для всего населения. Угроза существованию общности ликвидирована. Задаваемые государством нормы, ценности, мораль, насильственно внедрены и хорошо усвоены населением. Марксистско-ленинское учение получило единую интерпретацию и одновременно играло роль идеологии и религии. В городе и деревне сложились мощные формы общинной регуляции и социального контроля поведения, когда каждый человек находился под тотальным контролем общественных организаций и соседей. Все это создало предпосылки для перехода к следующему этапу развития советского общества.

Уже говорилось, что в период сталинизма сложились безотказная машина бюрократии и многочисленный штат управленцев с определенным уровнем управленческой культуры. Верхний эшелон аппарата начал реально осознавать свою значимость как элиты и претендовать на расширение своих привилегий. Однако это омрачалось страхом перед перспективой непредсказуемых репрессий со стороны генсека. Именно данный слой, созданный как инст-

румент политики Сталина, чаще других становился жертвой его произвола. Именно он в первую очередь был заинтересован в создании гарантий безопасности и упрочении своего места в государстве. Не менее важным условием перехода к новой эпохе стало усвоение населением «духовного багажа» (системы социо-культурных ценностей, стандартов и норм), выработанного в этот период. Для поддержания необходимого уровня интеграции общности и вовлечения граждан в целенаправленную деятельность уже не было нужды прибегать к тотальному насилию

Следующий, послесталинский, этап развития С00 условно может быть определен как период некоторого ограничения власти «абсолютного монарха» и либерализации форм управления. Суть его связана со снижением роли насилия как средства регуляции поведения и процессом перераспределения власти от одного правителя к нескольким. Начавшийся после смерти Сталина период широко известен под названием «оттепель» и обычно ассоциируется с именем Н.С. Хрущева. Переводя содержание "оттепели" на язык исторических аналогий, мы вправе оценить ее как некоторое ограничение роли абсолютизма и усиление роли феодально-бюрократической элиты в управлении государством. Подобные перемены не могли не затронуть политическую и экономическую жизнь самых широких слоев населения. Среди наиболее известных акций — массовая реабилитация репрессированных, осуждение сталинских репрессий, ослабление крепостных форм зависимости на селе и в городе.

Хрущевские реформы предусматривали большую коллегиальность в принятии решений, подотчетность репрессивного аппарата партийной и исполнительной власти, введение элементов правовой регуляции в общественное устройство. В то же время реформы не посягали на основные принципы С00, сложившиеся в период сталинизма.

Почти все преобразования той поры были адекватны уровню общественного сознания и проводились под лозунгом устранения перегибов и преступлений Сталина при достаточно лояльной оценке выстроенной им системы. Иной системы не представляли себе ни правящая группа, ни большинство населения. В части реформ,

объективно укреплявших положение административно-бюрократической прослойки, Хрущев опирался прежде всего на поддержку той части элиты, которая не запятнала себя серьезными преступлениями. Между тем, поскольку преобразования проводились под знаменем верности ленинизму, они в определенной мере несли идеи возврата к революционному эгалитаризму и романтизму. Был утвержден курс на децентрализацию управления экономикой, осуществлена попытка внедрения территориально-плюралистической модели управления, во многом копирующей органы хозяйственного управления первых лет советской власти. Проводилась политика сокращения разрыва * уровне жизни между низко- и высокооплачиваемыми работниками. Расширялась система распределения материальных благ через общественные фонды потребления. Наконец, был поднят вопрос об ограничении срока занятия выборных партийных и государственных должностей. Все это вызвало опасения и недовольство у только что избавившейся от угрозы сталинского произвола чиновничьей элиты. Стремление к возобновлению революционной демократии в таких условиях было обречено. Именно за это стремление, используя как предлог многочисленные ошибки, и отстранила от власти Н.С. Хрущева партийная верхушка в 1964 г. при моральной поддержке значительной части населения, видевших в хрущевском антисталинизме посягательства на завоевания социализма.

Следующий этап становления С00 совпадает с почти двадцатилетним правлением Л.И. Брежнева. Он характеризуется, с одной стороны, становлением и окончательным утверждением коллегиальной власти "феодально-административной" элиты, с другой — усилением роли неадминистративной стоимостной регуляции поведения, повлекшей за собой формирование параллельной «теневой» экономики. Стремлением совместить административный и стоимостной способы регуляции отмечена попытка экономической реформы 1965 г. Ее важным итогом явилось существенное возрастание роли денег в обществе как средства регуляции поведения населения. Реформа способствовала усилению сложившейся при Сталине экономической и социальной стратификации

общества, активизировала сферу потребления, сделала ориентацию на достижение материального благополучия одной из реальных ценностей советских людей. Однако ориентация на заработок не создавала возможности совмещения его с легальной предпринимательской активностью. При достаточно низком уровне удовлетворения потребительского спроса и наличии постоянного дефицита товаров результатом такой ориентации стало приложение сил части населения к различным сферам подпольного бизнеса. Львиную долю в «теневой» экономике занимали посреднические спекулятивные операции (вполне нормальное явление при формировании предкапиталистических отношений во всех европейских странах). Начал складываться бизнес по оказанию различных услуг, дополняющий далекий от совершенства государственный сервис. В стадии зарождения находились и другие виды экономической деятельности, например подпольное производство. Располагающая средствами и претендующая на особую роль часть партийно-чиновничьей бюрократии, тоже оказывалась жертвой дефицитной экономики, стимулировала дельцов, выступая заказчиком широкого спектра товаров и услуг, отсутствующих в обычной советской действительности. Объективно она поощряла рост социальных групп мафиозного типа. Специфика «застойного» брежневского периода заключается в том, что, декларируя верность революционным идеям, принципам «развитого социализма» и в то же время отлично сознавая несоответствие этих принципов сложившейся социальной действительности, Брежнев и его «команда» с определенного момента стали все больше закрывать глаза и на увеличивавшуюся долю лиц, занятых в формально запрещенной латентной экономике, и на получаемые ими неофициальные доходы. Фактически была прекращена борьба с ростом социального и имущественного неравенства. Латентно в рамках феодальных структур шел процесс складывания предкапиталистического рынка, стоимостных форм регуляции поведения. Вновь замаячила в качестве примера для подражания фигура богатого человека. Нацеленное на высокие стандарты потребления (по образцу западных) часть чиновничества шла на сотрудничество с подпольными биз-

несменами, могущими предоставить денежные и товарные средства для достижения подобных стандартов взамен на покровительство. Слабая же латентная стоимостная экономика могла быть реализована лишь при поддержке феодальных структур власти. Данные отношения и их носители были еще весьма далеки от капиталистических и по сути представляли собой некую модель ранних форм «азиатского рынка», но описываемый этап имел аналогии в истории всех стран Западной Европы, когда там происходило зарождение капиталистических отношений.

Трансформация структур власти и изменение ориентации части населения открывали перспективы развития стоимостных рыночных отношений в экономике и социальной жизни. На наш взгляд, эти тенденции были в целом позитивными, позволяющими в перспективе рассчитывать на создание рыночного механизма в стране по западному типу. За семьдесят лет советской власти наше общество смогло одолеть путь от форм С00, сходных с «раннефеодальными», до форм С00, сходных с формами регуляции, характерными для позднефеодальных отношений с элементами предкапиталистических отношений.

Изменение системы ценностей и образцов поведения, отражающих эти тенденции, шло медленно и не затронуло всего населения страны. В то же время формировалась разнородная оппозиция проводимому курсу. Если либеральная интеллигенция, экономисты и дельцы, включенные в латентные рыночные отношения, критиковали систему с точки зрения западной демократии и рыночной экономики, то другая часть населения сравнивала ее с социалистическим идеалом. Происходящие процессы нередко воспринимались драматически. Этому способствовало как вопиющее рассогласование постулируемых идеалов с действительностью, разложение коррумпированных чиновников, так и осознание бросающегося в глаза различия между уровнем и качеством жизни страны и развитых стран Запада.

Ответом именно на эти проблемы и стала перестройка, первоначально задуманная руководством страны как серия достаточно ограниченных и осторожных реформ сверху, направленных на модернизацию С00 и сглаживание социальных напряжений. Она

обрела союзников в лице обеих групп критиков нынешней системы. Последние рассматривали наличное состояние общества как продукт досадных ошибок нынешних и прошлых лидеров страны, требовали его радикальной переделки в соответствии с их представлениями о социальном идеале. В качестве средства, гарантирующего от совершения новых ошибок, обе группы критиков рассматривали демократизацию политической и хозяйственной системы страны (хотя по-разному ее понимали). Демократы-«западники» выступили против тоталитаризма, личной несвободы, административного принуждения, отсутствия демократии в ее западном понимании. Они подчеркивали неэффективность централизованной плановой экономики, социальной благотворительности. Их идеал — рыночное общество и формы С00 по типу развитых демократий. Одновременно с «западниками» с резкой критикой обрушилась на «застой» и вторая группа критиков популярного толка, ставящая своей целью возвращение к революционной демократии. Основную причину негативных явлений политической жизни «революционные демократы» видят в извращении Сталиным идей социализма, видя в качестве главного врага перестройки партийный аппарат и бюрократию. Они выступают под лозунгами социальной справедливости, борьбы с коррупцией, равенства доходов, прямого народовластия. Обе группы, смыкаясь, с первого дня перестройки существенно повлияли на проводимый руководством курс и нашли яркое отражение, с одной стороны, в законе о нетрудовых доходах, в требовании революционных мер по борьбе с бюрократией, с другой — в законе об индивидуальной трудовой деятельности и кооперативах, в ориентации общества на создание правового государства, проектах быстрого формирования рыночных отношений. Существенно расходясь в политических целях, эти силы тождественны в своем радикализме, проявляя редкостное единодушие и решимость в стремлении окончательно разрушить командно-административную систему, действующий хозяйственный механизм, институты власти.

Они соревнуются в размыивании «ложных ценностей», норм, традиций, сложившихся в стране за 73 года. Следует отметить, что деятельность радикалов во многом уже

достигла цели. Налицо существенные и необратимые разрушения механизмов СОО. Однако и такой противоестественный блок становится все менее интегрированным, силы, участвующие в политической перестройке, все острее конфронтируют между собой. Гипотетическая победа каждой из этих линий практически воспроизводит в основных чертах характеристики уже рассмотренных нами политических сценариев Февральской и Октябрьской революций и при реализации предполагает в том или ином варианте повторение пройденной с 1917 г. истории. Как это ни прискорбно, но в стране, которая еще не до конца оправилась от последствий революции, вновь маячит призрак новой, вводящей в искушение быстрого разрешения всех проблем.

Представляется, что наше общество так и будет ходить по кругу, пока мы окончательно не осознаем, что общество не машина, не мертвая конструкция, а живой организм, растущий и развивающийся по своим законам, неподвластным идеалам и воле энтузиастов-реформаторов. Нам надо навсегда освободиться от иллюзии, что некие мудрецы в состоянии манипулировать законами, при желании резко ускоряя темпы общественного развития. Как показывает отечественный и зарубежный опыт, попытка абстрагироваться от логики и темпов исторического развития, втиснуть реальную жизнь в рамки даже самого прек-

расного идеала, неадекватного сложившейся культуре и уровню развития личности, ведет к ослаблению механизмов социальной регуляции, разрушению посвоему целостной социальной системы и в ближайшей же перспективе заставляет повторять сначала уже пройденный путь. Темпы любых реформаторских начинаний, каковым является и наша перестройка, должны обеспечивать преемственность в развитии общества, а не ввергать его в очередной революционный хаос. Ближайшей задачей социолога в социокультурном плане является задача убедить политиков и большинство населения, что сама идея резкого революционного скачка — такого притягательного для обыденного сознания как средства быстрого решения важных социальных и экономических проблем — бесперспективна. Воплощение ее в жизнь чревато национальной катастрофой того или иного масштаба, оно отбрасывает общество назад по сравнению с «доскачковой» точкой развития. Мы должны привить обществу здоровый консерватизм и выработать у людей иммунитет и революционному романтизму, и радикализму.

В политическом плане важным представляется создание подконтрольной обществу, но сильной государственной власти, способной затормозить процесс сползания страны к катастрофе, заставить уважать государственную власть и закон.